

Алексей Николаевич
Толстой

АЭЛИТА
♦
ГИПЕРБОЛОИД
ИНЖЕНЕРА ГАРИНА

Иллюстрации
ИВАНА АРХИПОВА,
ВЛАДИМИРА БОГАТКИНА,
АНАТОЛИЯ ИТКИНА

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Т 52

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Егора Саламашенко

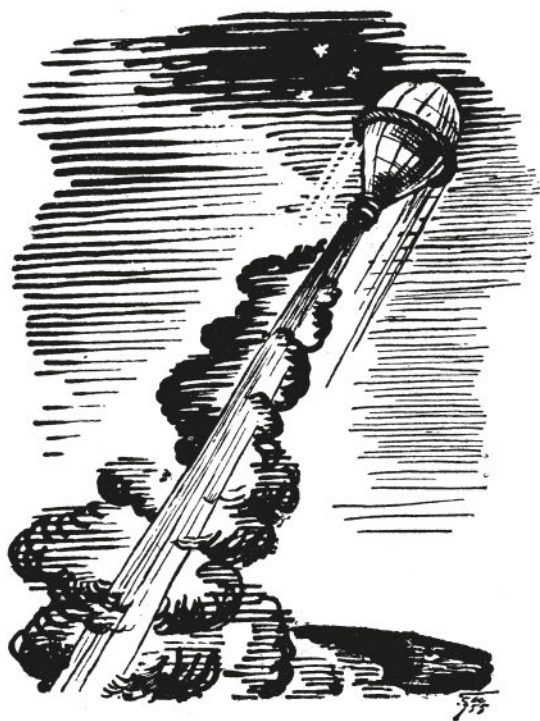
Иллюстрации

Ивана Архипова («Аэлита»),
Владимира Богаткина («Гиперболоид инженера Гарина»),
Анатолия Иткина («Похождения Невзорова, или Ибикус»)

ISBN 978-5-389-25223-3

© И. Д. Архипов (наследник), иллюстрации, 2024
© В. В. Богаткин (наследники), иллюстрации, 2024
© А. З. Иткин, иллюстрации, 2024
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

АЭЛИТА

СТРАННОЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ

В четыре часа дня в Петербурге, на проспекте Красных Зорь, появилось странное объявление: небольшой, серой бумаги листок, прибитый гвоздиками к облупленной стене пустынного дома.

Корреспондент американской газеты Арчибалд Скайльс, проходя мимо, увидел стоящую перед объявлением босую молодую женщину в ситцевом опрятном платье — она читала, шевеля губами. Усталое и милое лицо женщины не выражало удивления — глаза были равнодушные, ясные, с сумасшедшинкой. Она завела прядь волнистых волос за ухо, подняла с тротуара корзинку с зеленью и пошла через улицу. Объявление заслуживало большого внимания. Скайльс, любопытствуя, прочел его, придвинулся ближе, провел рукой по глазам, перечел еще раз.

— Twenty three¹, — проговорил он наконец, что должно было означать: «Черт возьми меня с моими костями».

В объявлении стояло:

*Инженер М. С. Лось приглашает желающих
лететь с ним 18 августа на планету Марс,
явиться для личных переговоров от 6 до 8 вечера.
Ждановская набережная, дом 11, во дворе.*

Это было написано — обыкновенно и просто, обыкновенным чернильным карандашом. Невольно Скайльс взялся за пульс — обычный. Взглянул на хронометр: было десять минут пятого, стрелка красненького циферблата показывала 14 августа.

Со спокойным мужеством Скайльс ожидал всего в этом безумном городе. Но объявление, приколоченное гвоздиками к облупленной стене, подействовало на него в высшей степени болезненно.

¹ Двадцать три (англ.).

Дул ветер по пустынному проспекту Красных Зорь. Окна многоэтажных домов, иные разбитые, иные заколоченные досками, казались нежилыми — ни одна голова не выглядывала на улицу. Молодая женщина, поставив корзинку на тротуар, стояла на той стороне улицы и глядела на Скайльса. Милое лицо ее было спокойное и усталое.

У Скайльса задвигались на скулах желваки. Он достал старый конверт и записал адрес Лося. В это время перед объявлением остановился рослый, широкоплечий человек, без шапки, по одежде — солдат, в рубахе без пояса, в обмотках. Руки у него от безделья были засунуты в карманы. Крепкий затылок напрягся, когда он стал читать объявление.

— Вот этот вот так замахнулся — на Марс! — проговорил он с удовольствием и обернул к Скайльсу загорелое, беззаботное лицо. На виске у него, наискосок, белел шрам. Глаза — ленивые, серокарие и так же, как у той женщины, — с искоркой. (Скайльс давно уже подметил эту искорку в русских глазах и даже поминал о ней в статье: «...Отсутствие в их глазах определенности, неустойчивость, то насмешливость, то безумная решительность, и, наконец, непонятное выражение превосходства — крайне болезненно действуют на свежего человека».)

— А вот взять и полететь с ним, очень просто, — опять сказал солдат и усмехнулся простодушно, и в то же время быстро, с головы до ног, оглядел Скайльса. Вдруг он прищурился, улыбка сошла с лица. Он внимательно глядел через улицу на босую женщину, все так же неподвижно стоявшую около корзинки. Кивнув подбородком, он сказал ей:

— Маша, ты что стоишь? — (Она быстро мигнула.) — Ну, и шла бы домой. — (Она переступила пыльными небольшими ногами, вздохнула, нагнула голову.) — Иди, иди, я скоро приду.

Женщина подняла корзину и пошла. Солдат сказал:

— В запас я уволился вследствие контузии и ранения. Хожу — вывески читаю, — скука страшная.

— Вы думаете пойти по этому объявлению? — спросил Скайльс.

— Обязательно пойду.

— Но ведь это — вздор — лететь в безвоздушном пространстве пятьдесят миллионов километров...

— Что говорить — далеко.

— Это шарлатанство или — бред.

— Все может быть.

Скайлс, тоже теперь прищурясь, оглянул солдата, вспыхнул гневно и пошел по направлению к Неве — шагал уверенно и широко. В сквере он сел на скамью, засунул руку в карман, где, прямо в кармане, как у старого курильщика и делового человека, лежал табак, одним движением большого пальца набил трубку, закурил и вытянул ноги.

Шумели старые липы в сквере. Воздух был влажен и тепел. На куче песку, один во всем сквере, видимо уже давно, — сидел маленький мальчик в грязной рубашке — горошком и без штанов. Ветер поднимал время от времени его светлые и мягкие волосы. В руке он держал конец веревочки, к другому концу веревочки была привязана за ногу старая взлохмаченная ворона. Она сидела недовольная и сердитая и так же, как и мальчик, глядела на Скайлса.

Вдруг — это было на мгновение — будто облачко скользнуло по его сознанию, стало странно, закружилась голова: не во сне ли он все это видит?.. Мальчик, ворона, пустые дома, пустынные улицы, странные взгляды прохожих и приколотенное гвоздиками объявление — кто-то зовет лететь из этого города в звездную пустыню.

Скайлс глубоко затянулся крепким табаком. Усмехнулся. Развернул план Петербурга и, водя по нему концом трубки, отыскал Ждановскую набережную.

В МАСТЕРСКОЙ ЛОСЯ

Скайльс вошел на плохо мощенный двор, заваленный ржавым железом и бочонками от цемента. Чахлая трава росла на гудах мусора, между спутанными клубками проволоки, поломанными частями станков. В глубине двора отсвечивали закатом пыльные окна высокого сарая. Небольшая дверца в нем была приотворена, на пороге сидел на корточках рабочий и размешивал в ведерке кирпично-красный сурик. На вопрос Скайльса — здесь ли можно видеть инженера Лося — рабочий кивнул вовнутрь сарая. Скайльс вошел.

Сарай едва был освещен — над столом, заваленным чертежами и книгами, горела электрическая лампочка в жестяном конусе. В глубине сарая возвышались до потолка леса. Здесь же пылал горн, раздуваемый рабочим. Сквозь балки лесов поблескивала металлическая, с частой клепкой, поверхность сферического тела. В раскрытые половинки ворот были видны багровые полосы заката и клубы туч, поднявшихся с моря.

Рабочий, раздувавший горн, проговорил вполголоса:

— К вам, Мстислав Сергеевич.

Из-за лесов появился среднего роста, крепко сложенный человек. Густые, шапкой, волосы его были снежно-белые. Лицо — молодое, бритое, с красивым большим ртом, с пристальными, светлыми, казалось, летящими впереди лица немигающими глазами. Он был в холщовой грязной, раскрытой на груди рубахе, в заплатанных штанах, перетянутых веревкой. В руке он держал запачканный, порванный чертеж. Подходя, он попытался застегнуть на груди рубашку на несуществующую пуговицу.

— Вы по объявлению? Хотите лететь? — спросил он глуховатым голосом и, указав Скайльсу на стул под конусом лампочки, сел напротив у стола, швырнул чертеж и стал набивать трубку. Это и был инженер М. С. Лось.

Опустив глаза, он раскуривал трубку — спичка осветила снизу его крепкое лицо, две морщины у рта — горькие складки, широкий вырез ноздрей, длинные темные ресницы. Скайльс остался доволен осмотром. Он объяснил, что лететь не собирается, но что прочел объявление на проспекте Красных Зорь и считает долгом познакомиться своих читателей со столь необычайным и сенсационным проектом междупланетного сообщения. Лось слушал, не отрывая от него немигающих светлых глаз.

— Жалко, что вы не хотите со мной лететь, жалко. — Он качнул головой. — Люди шарахаются от меня как от бешеного. Через четыре дня я покидаю Землю и до сих пор не могу найти спутника. — Он опять зажег спичку, пустил клуб дыма. — Какие вам нужны данные?

— Наиболее выпуклые черты вашей биографии.

— Это никому не нужно, — сказал Лось, — ничего замечательного. Учился на медные деньги, с двенадцати лет сам их зарабатываю. Молодость, годы учения, нищета, работа, служба, за тридцать пять лет — ни одной черты, любопытной для ваших читателей, ничего замечательного, кроме... — Лось вытянул нижнюю губу, вдруг насупился, резко обозначились морщины у рта. — Ну так вот... Над этой машиной, — он ткнул трубкой в сторону лесов, — работаю давно. Постройку начал год тому назад. Всё?

— Во сколько приблизительно месяцев вы думаете покрыть расстояние между Землей и Марсом? — спросил Скайлс, глядя на кончик карандаша.

— В девять или десять часов, я думаю, не больше.

Скайлс сказал на это — ага, — затем покраснел, зашевелились желваки у него на скулах.

— Я бы очень был вам признателен, — проговорил он с вкрадчивой вежливостью, — если бы у вас было доверие ко мне и серьезное отношение к нашему интервью.

Лось положил локти на стол, закутался дымом, сквозь табачный дым блеснули его глаза:

— Восемнадцатого августа Марс приблизится к Земле на сорок миллионов километров, — сказал он, — это расстояние я должен пролететь. Из чего оно складывается? Первое — высота земной атмосферы — семьдесят пять километров. Второе — расстояние между планетами в безвоздушном пространстве — сорок миллионов километров. Третье — высота атмосферы Марса — шестьдесят пять километров. Для моего полета важны только эти сто тридцать пять километров воздуха.

Он поднялся, засунул руки в карманы штанов, голова его тонула в тени, в дыму, — освещены были только раскрытая грудь и волосатые руки с закатанными по локоть рукавами.

— Обычно называют полетом — полет птицы, падающего листа, аэроплана. Но это не полет, а плавание в воздухе. Чистый полет — это падение, когда тело двигается под действием толкающей его силы. Пример — ракета. В безвоздушном пространстве, где нет со-

противления, где ничто не мешает полету, — ракета будет двигаться со все увеличивающейся скоростью; очевидно, там я могу достичь скорости света, если не помешают магнитные влияния. Мой аппарат построен именно по принципу ракеты. Я должен буду пролететь в атмосфере Земли и Марса сто тридцать пять километров. С подъемом и спуском это займет полтора часа. Час я кладу на то, чтобы выйти из притяжения Земли. Далее, в безвоздушном пространстве я могу лететь с любой скоростью. Но есть две опасности: от чрезмерного ускорения могут лопнуть кровеносные сосуды, и второе — если я с огромной быстротой влечу в атмосферу Марса, то удар в воздух будет подобен тому, как будто я вонзился в песок. Мгновенно аппарат и все, что в нем, — превратятся в газ. В межзвездном пространстве носятся осколки планет, нерожденных или погибших миров. Вонзаясь в воздух, они сгорают мгновенно. Воздух — почти непроницаемая броня. Хотя на Земле она однажды была пробита.

Лось вынул руку из кармана, положил ее ладонью вверх на стол, под лампочкой, и сжал пальцы в кулак.

— В Сибири, среди вечных льдов, я откапывал мамонтов, погибших в трещинах земли. Между зубами у них была трава, они паслись там, где теперь льды. Я ел их мясо. Они не успели разложиться. Они замерзли в несколько дней — их замело снегами. Видимо, отклонение земной оси произошло мгновенно. Земля столкнулась с огромным небесным телом, либо у нас был второй спутник, меньший, чем Луна. Мы втянули его, и он упал, разбил земную кору, отклонил полюсы. Быть может, от этого именно удара погиб материк, лежавший на запад от Африки в Атлантическом океане. Итак, чтобы не расплавиться, вонзаясь в атмосферу Марса, мне придется сильно затормозить скорость. Поэтому я кладу на весь перелет в безвоздушном пространстве — шесть-семь часов. Через несколько лет путешествие на Марс будет не более сложно, чем перелет из Москвы в Берлин.

Лось отошел от стола и повернул выключатель. Под потолком зашипели, зажглись дуговые фонари. Скайльс увидел на дощатых стенах чертежи, диаграммы, карты. Полки с оптическими и измерительными инструментами. Скафандры, горки консервов, меховую одежду. Телескоп на лесенке в углу сарая.

Лось и Скайльс подошли к лесам, которые окружали металлическое яйцо. На глаз Скайльс определил, что яйцообразный аппарат был не менее восьми с половиной метров высоты и шести метров в поперечнике. Посредине, по окружности его, шел стальной

пояс, пригибающийся книзу, к поверхности аппарата, как зонтик, — это был парашютный тормоз, увеличивающий сопротивление аппарата при падении в воздухе. Под парашютом расположены три круглые дверцы — входные люки. Нижняя часть яйца оканчивалась узким горлом. Его окружала двойная, массивной стали, круглая спираль, свернутая в противоположные стороны, — буфер. Таков был внешний вид междупланетного дирижабля.

Постукивая карандашом по клепаной обшивке яйца, Лось стал объяснять подробности. Аппарат был построен из мягкой и тугоплавкой стали, внутри хорошо укреплен ребрами и легкими фермами. Это был внешний чехол. В нем помещался второй чехол из шести слоев резины, войлока и кожи. Внутри этого, второго, кожного стеганого яйца находились аппараты наблюдения и движения, кислородные баки, ящики для поглощения углекислоты, полые подушки для инструментов и провизии. Для наблюдения поставлены выходящие за внешнюю оболочку аппарата особые «глазки» в виде короткой металлической трубки, снабженной призматическими стеклами.

Механизм движения помещался в горле, оббитом спиралью. Горло было отлито из металла «Обин», чрезвычайно упругого и твердостью превосходящего астрономическую бронзу. В толще горла были высверлены вертикальные каналы. Каждый из них расширялся наверху в так называемую взрывную камеру. В каждую камеру проведены искровая свеча от общего магнето и питательная трубка. Как в цилиндры мотора поступает бензин, точно так же взрывные камеры питались ультралиддитом, тончайшим порошком, необычайной силы взрывчатым веществом, найденным в 1920 году в лаборатории ...ского завода в Петербурге. Сила ультралиддита превосходила все до сих пор известное в этой области. Конус взрыва чрезвычайно узок. Чтобы ось конуса взрыва совпадала с осями вертикальных каналов горла, поступающий во взрывные камеры ультралиддит пропускался сквозь магнитное поле. Таков в общих чертах был принцип движущего механизма: это была ракета. Запас ультралиддита — на сто часов. Уменьшая или увеличивая число взрывов в секунду, можно было регулировать скорость подъема и падения аппарата. Нижняя его часть значительно тяжелее верхней, поэтому, попадая в сферу притяжения планеты, аппарат всегда поворачивался к ней горлом.

— На какие средства построен аппарат? — спросил Скайльс.

— Материалы дало правительство. Частью на это пошли мои сбережения.

Лось и Скайльс вернулись к столу. После некоторого молчания Скайльс спросил неуверенно:

- Вы рассчитываете найти на Марсе живых существ?
- Это я увижу утром, в пятницу, девятнадцатого августа.
- Я предлагаю вам десять долларов за строчку путевых впечатлений. Аванс — шесть фельетонов, по двести строк, чек можете учесть в Стокгольме. Согласны?

Лось засмеялся, кивнул головой — согласен. Скайльс присел на углу стола писать чек.

- Жаль, жаль, что вы не хотите лететь со мной: ведь это, в сущности, так близко, ближе, чем до Стокгольма.

СПУТНИК

Лось стоял, прислонившись плечом к верее¹ раскрытых ворот. Трубка его погасла.

За воротами до набережной Ждановки лежал пустырь. Несколько неярких фонарей отражались в воде. Далеко смутными и неясными очертаниями возвышались деревья парка. За ними догорал и не мог догореть тусклый, печальный закат. Длинные тучи, тронутые по краям его светом, будто острова, лежали в зеленых водах неба. Над ними синело, темнело небо. Несколько звезд зажглось на нем. Было тихо — по-старому на старой земле. Издалека дошел звук гудящего парохода. Серой тенью пробежала крыса по пустырю.

Рабочий Кузьмин, давеча мешавший в ведерке сурик, тоже стал в воротах, бросил огонек папироски в темноту.

- Трудно с Землей расставаться, — сказал он негромко. — С домом и то трудно расставаться. Из деревни, бывало, идешь на железную дорогу — раз десять оглянешься. Дом — хижина, соломой крыта, а свое, прижлое место. Землю покидать — пустыня.

— Вскипел чайник, — сказал Хохлов, другой рабочий, — иди, Кузьмин, чай пить.

Кузьмин сказал:

- Так-то, — со вздохом и пошел к горну.

Хохлов, суровый человек, и Кузьмин сели у горна на ящики и пили чай, осторожно ломали хлеб, отдирали с костей вяленую

¹ *Верез* — столб. — *Примеч. редактора.*

рыбу, жевали не спеша. Кузьмин, сощурившись, мотнув редкой бородкой, сказал вполголоса:

— Жалко мне его. Таких людей сейчас почти что и нет.

— А ты погоди его отпевать.

— Мне один летчик рассказывал: поднялся он на восемь верст — летом, заметь, — и масло все-таки замерзло у него в аппарате — такой холод. А выше лететь? А там — холод. Тьма.

— А я говорю — погоди еще отпевать, — повторил Хохлов мрачно.

— Лететь с ним никто не хочет, не верят. Объявление другую неделю висит напрасно.

— А я верю, — сказал Хохлов.

— Долетит?

— Вот то-то, что долетит. Вот в Европе они тогда взвываются.

— Кто взовется?

— Как кто взовется? Враги наши взвоятся. На теперь, выкуси, — Марс-то чей? — русский.

— Да, это бы здорово.

Кузьмин пододвинулся на ящике. Подошел Лось, сел, взял кружку с дымящимся чаем:

— Хохлов, не согласитесь лететь со мной?

— Нет, Мстислав Сергеевич, — важно ответил Хохлов, — не соглашусь, боюсь.

Лось усмехнулся, хлебнул кипяточку, покосился на Кузьмина:

— А вы, милый друг?

— Мстислав Сергеевич, да я бы с радостью полетел. Жена у меня больная, не ест ничего. Съест крошку — все долой. Так жалко, так жалко...

— Да, видимо, придется лететь одному, — сказал Лось, поставив пустую кружку, вытер губы ладонью, — охотников покинуть Землю — маловато. — Он опять усмехнулся, качнул головой. — Вчера барышня приходила по объявлению: «Хорошо, говорит, я с вами лечу, мне девятнадцать лет, пою, танцую, играю на гитаре, в Европе жить не хочу — революции мне надоели. Визы на выезд не нужно?» Что у этой барышни было в голове — не пойму до сих пор. Кончился наш разговор, села барышня и заплакала: «Вы меня обманули, я рассчитывала, что лететь нужно гораздо ближе». Потом молодой человек явился, говорит басом, руки потные: «Вы, говорит, считаете меня за идиота, лететь на Марс невозможно, на каком основании вывешиваете подобные объявления?» Насилу его успокоил.

Лось оперся локтями о колени и глядел на угли. Лицо его в эту минуту казалось утомленным, лоб сморщился. Видимо, он весь отдышал от длительного напряжения воли. Кузьмин ушел с чайником за водой. Хохлов кашлянул, сказал:

— Мстислав Сергеевич, самому-то вам разве не страшно?

Лось перевел на него глаза, согретые жаром углей:

— Нет, мне не страшно. Я уверен, что опущусь удачно. А если неудача, удар будет мгновенный и безболезненный. Страшно другое. Представьте так: мои расчеты окажутся неверны, я не попаду в притяжение Марса — проскочу мимо. Запас топлива, кислорода, еды — мне хватит надолго. И вот — лечу во тьме. Впереди горит звезда. Через тысячу лет мой окоченелый труп влетит в ее огненные океаны. Но эти тысячу лет — мой летящий во тьме труп! Но эти долгие дни, пока я еще жив — а я буду жить только в проклятой коробке, — долгие дни безнадежного отчаяния — один во всей Вселенной. Не смерть страшна, но одиночество. Не будет даже надежды, что Бог спасет мою душу. Я — заживо в аду. Ведь ад и есть мое безнадежное одиночество, распростертое в вечной тьме. Это — действительно страшно. Очень мне не хочется лететь одному.

Лось прищурился на угли. Рот его упрямо сжался. В воротах показался Кузьмин, позвал оттуда вполголоса:

— Мстислав Сергеевич, к вам.

— Кто? — Лось быстро поднялся.

— Солдат какой-то вас спрашивает.

В сарай вслед за Кузьминым вошел давешний солдат, читавший объявление на проспекте Красных Зорь. Коротко кивнул Лосю, оглянувшись на леса, подошел к столу:

— Попутчика надо вам?

Лось пододвинул ему стул, сел напротив:

— Да, ищу попутчика. Я лечу на Марс.

— Знаю, в объявлении сказано. Мне эту звезду показали давеча. Далеко, конечно. Условия какие, хотел я знать: жалованье, харчи?

— Вы семейный?

— Женатый, детей нет.

Солдат ногтями деловито постукивал по столу, поглядывал кругом с любопытством. Лось вкратце рассказал ему об условиях перелета, предупредил о возможном риске. Предложил обеспечить семью и выдать жалованье вперед деньгами и продуктами. Солдат кивал, поддакивал, но слушал рассеянно.

— Как, вам известно, — спросил он, — люди там или чудовища обитают?

Лось крепко почесал в затылке, засмеялся:

— По-моему, там должны быть люди. Приедем — увидим. Дело вот в чем: уже несколько лет на больших радиостанциях в Европе и в Америке начали принимать непонятные сигналы. Сначала думали, что это следы бурь в магнитных полях Земли. Но таинственные звуки были слишком похожи на азбучные сигналы. Кто-то настойчиво хочет с нами говорить. Откуда? На планетах, кроме Марса, не установлено пока жизни. Сигналы могут идти только с Марса. Взгляните на его карту — он, как сеткой, покрыт каналами. Видимо, там есть возможность установить огромной мощности радиостанции. Марс хочет говорить с Землей. Пока мы не можем отвечать на эти сигналы. Но мы — летим на зов. Трудно предположить, что радиостанции на Марсе построены чудовищами, существами, непохожими на нас. Марс и Земля — два крошечных шарика, кружащихся рядом. Одни законы для нас и для них. Во Вселенной носится живородящая пыль, семена жизни, застывшие в анабиозе. Одни и те же споры оседают на Марс и на Землю, на все мириады остывающих звезд. Повсюду возникает жизнь, и над жизнью всюду царствует человекоподобный: нельзя создать животное, более совершенное, чем человек — образ и подобие Хозяина Вселенной.

— Еду я с вами, — сказал солдат решительно, — когда с вещами приходите?

— Завтра. Я должен вас ознакомить с аппаратом. Ваше имя, отчество, фамилия?

— Алексей Гусев, Алексей Иванович.

— Занятие?

Гусев словно рассеянно взглянул на Лося, опустил глаза на свои постукивающие по столу пальцы.

— Я грамотный, — сказал он, — автомобиль ничего себе знаю. Летал на аэроплане наблюдателем. С восемнадцати лет войной занимаюсь — вот все мое и занятие. Свыше двадцати ранений. Теперь нахожусь в запасе. — Он вдруг ладонью шибко потер темя, коротко засмеялся. — Ну и дела были за эти-то семь лет. По совести говоря, я бы сейчас полком должен командовать — характер неуживчивый. Прекратятся военные действия — не могу сидеть на месте: сосет. Отравлено во мне все. Отпрошусь в командировку или так убегу. —

Он опять потер макушку, усмехнулся. — Четыре республики учредил, в Сибири да на Кавказе, и городов-то сейчас этих не запомню. Один раз собрал три сотни ребят — отправились Индию воевать. Хотелось нам туда добраться. Но сбились в горах, попали в метель, под обвалы, побили лошадей. Вернулось нас оттуда немного. У Махно был два месяца, ей-богу. На тройках, на тачанках гоняли по степи — гуляй душа! Вина, еды — вволю, баб — сколько хочешь. Налетим на белых или на красных — пулеметы у нас на тачанках — драка. Обоз отобьем, и к вечеру мы — верст уж за восемьдесят. Погуляли. Надоело, — мало толку, да уж и мужикам махновщина эта стала надоедать. Ушел в Красную армию. Потом поляков гнали от Киева — тут уж я был в коннице Буденного. Весь поход — рысью. Поляков били с налету: «Даешь Варшаву!» А под Варшавой сплоховали — пехота не поддержала. В последний раз я ранен, когда брали Перекоп. Провалился после этого без малого год по лазаретам. Выписался — куда деваться? Тут эта девушка моя подвернулась — женился. Жена у меня хорошая, жалко ее, но дома жить не могу. В деревню ехать — отец с матерью померли, братья убиты, земля заброшена. В городе тоже делать нечего. Войны сейчас никакой нет — не предвидится. Вы уж, пожалуйста, Мстислав Сергеевич, возьмите меня с собой. Я вам на Марсе пригожусь.

— Ну, очень рад, — сказал Лось, подавая ему руку, — до завтра.

БЕССОННАЯ НОЧЬ

Все было готово к отлету с Земли. Но два последующих дня пришлось, почти без сна, провозиться над укладкой внутри аппарата, в полых подушках множества мелочей. Проверяли приборы и инструменты. Сняли леса, окружавшие аппарат, разобрали часть крыши. Лось показал Гусеву механизм движения и важнейшие приборы — Гусев оказался ловким и сметливым человеком. На завтра в шесть вечера назначили отлет.

Поздно вечером Лось отпустил рабочих и Гусева, погасил электричество, кроме лампочки над столом, и прилег, не раздеваясь, на железную койку — в углу сарая, за треногой телескопа.

Ночь была тихая и звездная. Лось не спал. Закинув за голову руки, глядел на сумрак — под затянутой паутиной крышей, и то, от чего он назавтра бежал с Земли, — снова, как никогда еще, мучило

его. Много дней он не давал себе воли. Сейчас, в последнюю ночь на Земле, — он отпустил сердце: мучайся, плачь.

Память разбудила недавнее прошлое... Свеча заставлена книгой. Запах лекарств, душно. На полу, на ковре — таз. Когда встанешь и проходишь мимо таза — по стене, по тоскливым, сумасшедшим цветочкам бегут, колышатся тени предметов. Как томительно! В постели то, что дороже света, — Катя, жена, — часто-часто, тихо дышит. На подушке — темные спутанные волосы. Подняты колени под одеялом. Катя уходит от него. Изменилось недавно такое прелестное, кроткое лицо. Оно — розовое, беспокойное. Выпростала руку и щиплет пальцами край одеяла. Лось снова, снова берет ее руку, кладет под одеяло. «Ну, раскрой глаза, ну, взгляни, простишься со мной». Она говорит жалобным, чуть слышным голосом: «Ской око, ской око». Детский, едва слышный, жалобный ее голос хочет сказать: «Открой окно». Страшнее страха — жалость к ней, к этому голосу. «Катя, Катя — взгляни». Он целует ее в щеки, в лоб, в закрытые веки. Но не облегчает ее жалость. Горло у нее дрожит, грудь поднимается толчками, пальцы вцепились в край одеяла. «Катя, Катя, что с тобой?..» Не отвечает, уходит... Поднялась на локтях, подняла грудь, будто снизу ее толкали, мучили. Милая голова отделилась от подушки, закинулась... Она опустила, ушла в постель. Упал подбородок. Лось, сотрясаясь от ужаса и жалости, обхватил ее, прижался. Забрал в рот одеяло.

На земле нет пощады...

Лось поднялся с койки, взял со стола коробку с папиросами, закурил и ходил некоторое время по темному сараю. Потом взошел на лесенку телескопа, нашел искателем Марс, поднявшийся уже над Петербургом, и долго глядел на небольшой, ясный, теплый шарик. Он слегка дрожал в перекрещивающихся волосках окуляра.

«Да, на земле нет пощады», — сказал Лось вполголоса, спустился с лесенки и лег на койку... Память открыла видение. Катюша лежит в траве, на пригорке. Вдали, за волнистыми полями, — золотые точки Звенигорода. Коршуны плавают в летнем зное над хлебами, над гречихами. Катюше — лениво и жарко. Лось, сидя рядом, кусая травинку, поглядывает на русую, простоволосую голову Катюши, на загорелое плечо со светлой полоской кожи между загаром и платьем, на Катюшин, с укусом комара, кулачок, подперевший щеку. Ее серые глаза — равнодушные и прекрасные, — в них тоже плавают коршуны. Кате восемнадцать лет, думает о замужестве.

Очень, очень — опасно мила. Сегодня, после обеда, говорит: пойдёте лежать на пригорок, оттуда — далеко видно. Лежит и молчит. Лось думает: «Нет, милая моя, есть у меня дела поважнее, чем вот взять на пригорке и влюбиться в вас. На этот крючок не попадусь, на дачу к вам больше ездить не стану».

Ах, боже мой, какие могли быть дела важнее Катюшиной любви! Как неразумно были упущены эти летние, горячие дни. Остановить бы время тогда, на пригорке. Не вернуть. Не вернуть!..

Лось опять вставал с койки, чиркал спичками, курил, ходил. Но и хождение вдоль дощатой стены было ужасно: как зверь в яме. Лось отворил ворота и глядел на высоко уже взошедший Марс.

«И там не уйти от себя. Всюду, без меры времени, мой одинокий дух. За гранью земли, за гранью смерти. Зачем нужно было хлебнуть этого яду, любить, пробудиться? Жить бы неразбуженным. Летят же в эфире окоченевшие семена жизни, ледяные кристаллы, летят дремлющие. Нет, нужно упасть и расцвести — пробудиться к нестерпимому страданию — жить, к жажде — любить, слиться, забыть, перестать быть одиноким семенем. И весь этот короткий сон затем, чтобы снова — смерть, разлука и снова — полет ледяных кристаллов».

Лось долго стоял в воротах, прислонясь к верее плечом и головой. Кровяным, то синим, то алмазным светом переливался Марс — высоко над спящим Петербургом, над простреленными крышами, над холодными трубами, над закопченными потолками комнат и комнаток, покинутых зал, пустых дворцов, над тревожными изголовьями усталых людей.

«Нет, там будет легче, — думал Лось. — Уйти от теней, отгородиться миллионами верст. Вот так же, ночью, глядеть на звезду и знать: это плывет между звезд покинутая мною Земля. Покинуты пригорок и коршуны. Покинута ее могила, крест над могилой, покинуты темные ночи, ветер, поющий о смерти, только о смерти. Осенний ветер над Катей, лежащей в земле, под крестом. Нет, жить нельзя среди теней. Пусть там будет лютое одиночество — уйти из этого мира, быть одному».

Но тени не отступали от него всю ночь. Под утро Лось положил на голову подушку и забылся. Его разбудил грохот обоза, ехавшего по набережной. Лось сел, провел ладонью по лицу. Еще бессмысленные от ночных видений глаза его разглядывали карты на стенах, инструменты, очертание аппарата. Лось вздохнул, совсем про-

буждаясь, подошел к крану и облил голову студеной водой. Накинул пальто и зашагал через пустырь на Большую Монетную улицу, к себе на квартиру, где полгода тому назад умерла Катя.

Здесь он вымылся, побрился, надел чистое белье и платье, осмотрел — заперты ли все окна. Квартира была нежилая — повсюду пыль. Он открыл дверь в спальню, где после смерти Кати он никогда не ночевал. В спальне было почти темно от спущенных штор, лишь отсвечивало зеркало шкафа с Катиными платьями — зеркальная дверца была приоткрыта. Лось нахмурился, подошел на цыпочках и плотно прикрыл ее. Замкнул дверь спальни. Вышел из квартиры, запер парадное и плоский ключик положил себе в жилетный карман.

Теперь — все было окончено перед отъездом.

ТОЮ ЖЕ НОЧЬЮ

Этой ночью Маша долго дожидалась мужа — несколько раз подогрела чайник на примусе. За высокой дубовой дверью было тихо и жутковато.

Гусев и Маша жили в одной комнате, в когда-то роскошном, огромном, теперь заброшенном доме. Во время революции обитатели покинули его. За четыре года дожди и зимние вьюги сильно попортили его внутренность.

Комната была просторная. На резном золотом потолке среди облаков летела пышная женщина с улыбкой во все лицо, кругом — крылатые младенцы.

«Видишь, Маша, — постоянно говаривал Гусев, показывая на потолок, — женщина какая веселая, в теле, и детей шесть душ, вот это — баба».

Над золоченой, с львиными лапами кроватью висел портрет старика в пудреном парике, с поджатым ртом, со звездой на кафтане. Гусев прозвал его «Генерал Топтыгин» — «этот спуска не давал, чуть что не по нем — сейчас топтать». Маша боялась глядеть на портрет. Через комнату была протянута железная труба железной печечки, закоптившей стену. На полках, на столе, где Маша готовила еду, — порядок и чистота.

Резная дубовая дверь отворялась в двусветную залу. Разбитые окна в ней были заколочены досками, потолок местами обваливался. В ветряные ночи здесь гулял, завывал ветер, бегали крысы.

Толстой А. Н.

Т 52 Аэлита. Гиперболоид инженера Гарина / Алексей Николаевич Толстой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 704 с. : ил. — (Русская литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-25223-3

Творчество выдающегося советского писателя Алексея Николаевича Толстого поистине многогранно: от исторического романа и научно-фантастической прозы до многочисленных повестей, рассказов и пьес. Его романы «Аэлита» и «Гиперболоид инженера Гарина», хоть и были встречены литераторами-современниками с изрядной долей скептицизма, стали классикой отечественной научной фантастики и даже почти век спустя способны увлечь читателя своей яркой образностью, тонким психологизмом и закрученным сюжетом. Не менее знамениты и другие произведения автора, включенные в настоящее издание: повесть «Похождения Невзорова, или Ибикус» и рассказ «Граф Калиостро». Первое считается образцом раннего советского плутовского романа, а второе — шедевром исторической прозы. В сборник также вошли: «Союз пяти», «Убийство Антуана Риво», «Голубые города» и «Необычайные приключения на волжском пароходе».

Великолепные иллюстрации к сборнику создали признанные мастера книжной графики Иван Архипов, Владимир Богаткин и Анатолий Иткин.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ

АЭЛИТА

ГИПЕРБОЛОИД ИНЖЕНЕРА ГАРИНА

Ответственный редактор Елена Чазова
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Мария Антипова
Подготовка иллюстраций Валерия Макарова, Дмитрия Кабакова
Корректоры Людмила Дубовая, Наталья Бобкова, Елена Терскова

Подписано в печать / Баспага қол қойылды 14.03.2024.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 43,12. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

C-ARL-34213-01-R